

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ТАНКИСТЫ

Танкисты «тридцатьчетверки». Они стояли насмерть

Сергей Зверев

Танкисты

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Танкисты / С. И. Зверев — «Эксмо», 2018 — (Танкисты
«тридцатьчетверки». Они стояли насмерть)

ISBN 978-5-04-096194-8

Этому автору по силам любой жанр: жесткий боевик и военные приключения, захватывающий детектив и криминальная драма. Совокупный тираж книг С. Зверева составляет более 6 миллионов экземпляров. Его имя – неизменный знак качества каждой новой книги. Июль 1941 года. Бронированная армада вермахта рвется на восток. Красная Армия из последних сил сдерживает натиск врага. В числе тех, кто умело бьет фашистов, экипаж Т-34 младшего лейтенанта Алексея Соколова. Танкистам поручено возглавить рейд в тыл противника. Там, в окружении, сражаются остатки корпуса генерала Казакова. Спасти комкора и находящуюся при нем секретную часть – задача непростая, ведь точные координаты бойцов неизвестны. Но отчаянного Алексея Соколова это не пугает, у него уже созрел план дерзкой операции...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096194-8

© Зверев С. И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Иванович Зверев

Танкисты

© Зверев С.И., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

В первые же дни войны фашистам удалось во многих местах прорвать оборону развернутых в спешке приграничных частей Красной Армии. В прорыв бросались танковые армады с крестами на бортах, которые ускоренными маршами по дорогам двигались на восток. В Западном Особом военном округе сложилась критическая ситуация. Излюбленные немцами «двойные клещи» охватывали советские войска с севера и юга. 2-я и 3-я танковые группы обходили наши войска с целью соединиться западнее Минска, образовав огромный «котел» на Белостокском выступе. Дополнительно 7 армейских корпусов и 20 пехотных дивизий гитлеровцев, сведенных в 2 полевые армии, вели интенсивное наступление с целью соединиться восточнее Белостока.

Отчаянный контрудар Красной Армии 24 июня в районе Гродно силами сводной конно-механизированной группы результата не дал. Господствующая в воздухе немецкая авиация начала бомбить атакующие войска уже на линии развертывания. Несколько попыток пробить подготовленную немецкую противотанковую оборону привели только к большим потерям корпуса без получения стратегического преимущества. Несмотря на отдельные удачные действия командиров, прорвавших оборону немцев и вышедших на окраину Гродно, это на общее положение наших войск не повлияло. Командир группы генерал-лейтенант Болдин отдал приказ к отходу на восток.

В результате уже к 25 июня 1941 года советскому командованию стало ясно, что охват гитлеровцами Белостокского выступа грозит полным окружением войск Западного фронта. Иного выхода, как только отводить войска на новые рубежи обороны, не было. 3-я и 10-я армии получили приказ отступать на Новогрудок и Слоним. Чтобы сохранить пути отступления армий, в арьергардные бои были брошены наиболее боеспособные части, вставшие заслонами в районе Волковыска и Зельвы и принявшие на себя страшные удары немецких танковых колонн.

Немецкие самолеты уже несколько часов добивали все, что оставалось от корпуса. Примчавшийся на броневом автомобиле представитель штаба округа, который теперь назывался штабом фронта, имел на руках приказ перебросить танковую дивизию из состава корпуса генерала Казакова и всю тяжелую артиллерию, включая три батареи 82-мм минометов, на север, в район Слонима. Причем в приказе было указано просто дикое количество танков, которые генерал Казаков должен был передать под чужое командование. Дикое, потому что корпус не был укомплектован по штату военного времени, его подняли по тревоге и бросили на запад без боеприпасов, без горючего.

Из 105 положенных по штату тяжелых танков «КВ»: танковые дивизии имели лишь десяток, да и те стояли в ремонтных мастерских с разобранными двигателями и трансмиссиями. Из 210 средних танков «Т-34» имелось только 80 машин. Подготовленные экипажи, уехавшие на завод получать машины, так и не вернулись. Некомплект был и легких «БТ-7» и «Т-26». Не укомплектована по штатам военного времени была и моторизованная дивизия. Фактически это была обычная пехотная дивизия со штатом мирного времени. До 60 % личного состава и до 40 % боевой техники.

Казаков получил корпус за месяц до начала войны, когда его перевели с Дальнего Востока в Западный Особый военный округ. Сформировать полноценный механизированный корпус он так и не успел. После нескольких дней боев, маневрируя, выводя свои части из-под ударов на новые рубежи, нанося удары ответные, Казаков сумел сохранить основные силы, хотя потери были понесены ощутимые. Особенно в танках и артиллерии. И вот теперь некий полковник с приказом в руках, продублированным приказом по радио, повел полученные части наприя-

мик к Слониму и сразу подставил под массированный удар авиации на рокадном направлении. Генералу ничего не оставалось, как только стиснуть зубы и продолжать держать оборону на своем участке. Он получил сведения, что севернее вышла немецкая танковая группа, но разрешения помочь он не получил.

А под утро всем, что у него осталось, Казаков вынужден был контратаковать вместе с соседями с целью захвата Ивацевичей – крупного транспортного узла на пути на Минск. Остатки корпуса не успели выйти к шоссе, когда с фланга ударила немецкая механизированная группа, а с севера атаковала танковая армия, развернувшая острие своего ударного клина на юго-восток, чтобы замкнуть кольцо вокруг остатков советских дивизий в приграничных районах.

В результате корпус был буквально разрезан на части. Бригады и полки дрались в полном окружении, первое время поддерживая связь со штабом корпуса. Потом связь стала прерываться. Когда немцы вышли к Минску, от корпуса осталось не больше полка. Почти без артиллерии, с несколькими танками и бронемашинами, корпусу приказали встать заслоном перед Слуцком. Напрасно Казаков пытался доказать, объяснить, что позиция, выбранная наспех паникующим начальством, смертельна для остатков соединения. Что для обороны нужно отойти дальше, к Слуцку, оставив Лядно и Селище.

В чистом поле не успеваю окопаться пехоту просто давили танками. Сотни людей металась, отстреливаясь из винтовок, пытались контратаковать, но их давили и расстреливали в упор. Если бы перед Казаковым сейчас предстал хоть один из тех штабистов, кто отдавал последний приказ, он бы, наверное, застрелил его. Собрав в кулак всю технику, Казаков в нарушение приказа перешел в атаку, вывел остатки полка из боя и увел в леса южнее Слуцка. Держать оборону, когда за твоей спиной уже прорвались сотни танков и вышли на окраины Слуцка, было бесполезно.

Майор Штанге шел по лесу, постукивая веточкой себя по голенищу сапога и заглядывая в лица мертвых красноармейцев и командиров. «Кубики» на петлицах и у этого, и у этого тоже. У этого две «шпалы», как их называют русские. Вон еще майор, этот капитан. Да и по возрасту они слишком молоды. Генералу Казакову сорок два года, и, судя по фотографии, которая была у майора Штанге, тот имел внушительную внешность и сильное, волевое лицо. Нет, этот советский генерал не станет переодеваться в гимнастерку лейтенанта или капитана. Он будет умирать с генеральскими звездами на петлицах. Черт бы его побрал!

Лейтенант Вигман перепрыгнул через ручей, прошел осторожно между телами, вытирая ладони и шею носовым шелковым платком. Помощник майора был слишком большим любителем чистоты и очень боялся вшей. Поэтому и белье носил только шелковое. И этот платок...

– Представляете! – Лейтенант вытер шею платком и покачал головой. – Они добивают раненых.

Майор повернул голову на звуки редких одиночных выстрелов и автоматных очередей, которые были слышны из леса, и пожал плечами.

– Почему они должны возиться с ранеными, терять время, чтобы спасти жизни этих людей? Я строго приказал не добивать командиров без допросов и установления личности, а остальные... Вы, Вигман, слишком чувствительны. Это славяне, не стоит относиться к ним как к людям. Это низшая раса.

– Помнится, вчера вы мне говорили другое, – поморщился лейтенант. – Вы говорили, что у русских великолепная техника, что они кое в чем обошли нас. И с их разведкой нам придется серьезно повозиться.

– Да, – вздохнул майор. – Я это вчера вам говорил. Я вам еще скажу, что эта война не будет такой простой, как предполагалось. В отличие от поляков, чехов, французов, они не поднимают руки, когда захвачено их полковое знамя, когда попадают в окружение. Они дерутся как звери,

хотя смысла в этом нет уже никакого. Умные французы сразу капитулировали, как только мы взяли Париж. Цивилизованная война, а здесь мы столкнулись с дикостью. Иногда, скажу вам по секрету, Вигман, мне становится страшно от таких огромных расстояний, с которыми мы столкнулись здесь, и от понимания того, насколько велики у этого народа людские ресурсы. Они могут бесконечно пополнять ряды своей армии.

– Мы можем лишить их ресурсов, и тогда армия станет бесполезной и небоеспособной.

– Да, – кивнул майор, – только до этих ресурсов еще дойти и доехать надо. Как бы у нас собственные не закончились к тому времени. Ну что, генерала Казакова здесь нет, надо полагать? Опять он со своим штабом ушел. Скажите, чтобы документы убитых русских сложили на заднее сиденье нашей машины. И не бледнейте так при виде окровавленной солдатской книжки, Генрих. Это просто неприлично для офицера абвера.

Штанге с усмешкой покровительственно похлопал лейтенанта по плечу и пошел дальше по лесу, где только недавно отгремел бой. Русские дрались ожесточенно, до последнего патрона. А когда патроны кончались, они бросались в контратаку. Почему? Этого майор понять не мог. Ведь проще же сдаться, проще остаться в живых. И кто когда узнает, как ты попал в плен? Сам поднял руки или тебя захватили насильно раненным, оглушенным. Да и кто будет доказывать, когда этой стране с коммунистическим режимом осталось существовать... Майор поморщился. Честно говоря, в последние дни он что-то стал сомневаться, что эта война закончится победоносно до осени. «Ладно, мне нужно искать генерала Казакова, а тактика и стратегия – это не для меня».

Младший лейтенант Алексей Соколов, сидя в люке своей «бетушки», как танкисты называли танки «БТ», стянул с головы шлемофон и рукавом вытер грязное лицо. Над лесом и полем висли тяжелые, мрачные тучи, готовые вот-вот разрядиться стеной дождя. Где-то за этими тучами садилось и все никак не могло сесть солнце. Темнота не наступала, она медленно наваливалась смертельной усталостью, вползала в воронки, перепаханые взрывами окопы. Соколов с сожалением смотрел на поле боя, где все еще дымили восемь немецких танков, восемь бронетранспортеров, а земля, изрезанная гусеницами и взрытая снарядами, была усеяна телами в чужих ненавистных мундирах. «Батальон мы их тут положили, не меньше», – подумал он.

Оставлять такую позицию было жалко, но и удержать ее было невозможно. Немцы обходили дивизию с флангов, судя по донесениям, танковый батальон Соколова во время контратаки потерял больше половины танков и сейчас отрезан от основных сил дивизии. Взвод химзащиты уложил на левом фланге обороны дымовые шашки, и теперь перед позициями поредевших рот плыл седой пеленой дым, скрывая все, что в спешке происходило на линии обороны.

Спрыгнув с танка на землю, Соколов встал перед люком механика-водителя и подал команду выезжать из вырытого танкового окопа. Машина заурчала двигателем и поползла по песку вверх. Неподалеку из окопов выезжали два других танка взвода Соколова. Ездовые выводили из леса лошадей и вытягивали с позиций две последние 45-миллиметровые пушки, на опушке спешно рыли братскую могилу для погибших. Первые пехотные колонны, грузовики и подводы с ранеными потянулись вдоль леса по проселку на восток.

«Сколько уже было таких позиций, – с тоской подумал Соколов, – сколько уже земли осталось за нами под фашистским сапогом, сколько уже похоронено погибших. И конца и края не видно!»

– Что, уснул, танкист? Поторапливайся!

Соколов обернулся и увидел командира стрелковой роты, капитана Яковлева. Перевязанная бинтом поверх грязной гимнастерки рука, копать на щеке. Капитан хлопнул Соколова по плечу и пошел дальше, выкрикивая через плечо:

– Загони свои «коробочки» до темноты в лесок. А то налетят опять их самолеты и пожгут тебя.

Яковлев с остатками двух стрелковых рот оставался на разбитых позициях прикрывать отход полка. Меньше сотни человек, две пушки-«сорокапятки», с десятков противотанковых ружей, четыре «станкача» и столько же ручных пулеметов. Сколько они продержатся? Час, два, пять? Никто этого не знал. Они оставались для того, чтобы зубами, ногтями вцепиться в землю и дать отойти своим войскам, дать возможность дивизии закрепиться на новом рубеже, зарыться в землю и снова принимать на себя удары превосходящих сил противника.

Полк отдал ротам почти все свои боеприпасы и забирал с собой три последних танка. Все знали, что роты, скорее всего, погибнут здесь. Знали это солдаты и командиры, которые сейчас, пока еще было светло, зарывались в землю, откапывали стрелковые ячейки и пулеметные гнезда. Несколько человек на глазах Соколова поползли от окопов вперед с ящиками. Они постараются заминировать танкоопасные направления. А Соколову с его тремя танками было приказано уходить вместе с последним полком.

Всю ночь дивизия шла почти без остановок. Часть раненых отправили на станцию Узловую, где их должен был забрать санитарный поезд. Несколько машин сломались, и их оттащили на край дороги. Под утро в маленьком городке помпотех реквизировал пять полуторок для нужд армии.

Соколов сидел на башне, свесив ноги в люк головного танка, и тер глаза. От пыли они слезились и зудели, но боевой устав требовал на марше самого тщательного наблюдения за обстановкой. Механики-водители то включали, то выключали фары на своих машинах. В темноте танки клевали передней частью в большие ямы, и молодой командир беспокоился за подвеску. Кончалось горючее, боезапаса в танках почти не было, механики под утро устали так, что засыпали почти на рычагах своих машин. Соколов распорядился сесть за управление командирам танков и сам сменил своего водителя.

Самолеты налетели на рассвете. Небо только начало светлеть, над горизонтом сквозь облачность стало появляться небо, и сразу в низинках пополз туман. Две пары «мессершмиттов» шли над дорогой, и их было видно издалека. Тут же по колонне пронеслась команда «воздух». Ездовые били коней, пытаясь свернуть и укрыться с повозками в лесу, пехотинцы бросались врассыпную подальше от дороги, падая в траву, забиваясь в овражки.

Соколов увидел самолеты через открытый люк еще до того, как его заряжающий Луговой закричал в переговорное устройство:

– Товарищ командир, воздух! Спереди идут... на брющем.

Соколов не видел, он скорее почувствовал, как сержант быстро сползает в люк и пытается его закрыть за собой.

– Куда, Никонов? Подать команду остальным! В лес, всем свернуть в лес! – кричал Соколов, разворачивая свой танк.

Командовать нерадиофицированными танками даже на марше, а не в бою было сущей морокой. Молодой командир столкнулся с этим сразу после танковой школы, откуда пришел в войска. В школе они обучались на машинах, в которых стояли рации, и командирам не нужно было появляться на башне и подавать сигналы своим танкам специальными жестами. Младшему лейтенанту пришлось учиться самому и учить командиров танков своего взвода полагаться на инструктаж и формулировку приказа, постановку боевой задачи перед боем. А во время боя полагаться на каждого своего подчиненного и верить, что он все запомнил и понял все правильно и ничего не перепутает в бою. Долго осваивать науку боя на танках с отсутствием в них УКВ-передатчиков не пришлось. Через месяц началась война.

Соколов, не форсируя двигатель, переехал рытвину на обочине дороги и вломился гусеницами танка в густой кустарник. Не видя с места механика-водителя, что творится на дороге, он даже сквозь лязг гусениц и рокот двигателя слышал разрывы небольших бомб, которые

сбрасывали немецкие истребители. Вот, судя по звуку, две пары самолетов прошли над дорогой, поливая ее из пулеметов. Сейчас вернутся.

Открыв люк, Соколов выбрался наружу и присел возле левой гусеницы танка. Из-за крайних деревьев ему хорошо было видно, что творилось на дороге: лежали тела убитых красноармейцев, перевернутая повозка, возле которой билась раненая лошадь, чуть в стороне горела санитарная машина, из которой девушки-санитарки и несколько бойцов выводили и выносили раненых.

Рядом с командиром на траву опустились командиры двух других танков взвода. Коренастый смуглый Луговой, посасывая костяшки ободранных пальцев, тихо матерился, глядя на дорогу.

– Кто же проворонил самолеты! «Мессеры», истребители-штурмовики! Охотники! Так и рыщут по дорогам, наши колонны штурмуют постоянно. Ведь на марше всегда наблюдатели выделяются.

– А как ты их увидишь, когда они над лесом шли, только что по макушкам брюхом не чиркали, – возразил рассудительный сибиряк Доброжин. – Да и успеешь, поди скорость-то у ихних истребителей какая.

Гул авиационных двигателей нарастал. Где-то впереди начали бить зенитные пулеметы, слышались хлопки отдельных ружейных выстрелов. Соколов машинально подобрал под носком сапога сухую веточку и сломал ее со злостью.

– Хоть бы один сбили, хоть один, – процедил он сквозь зубы. – Другие не вели бы себя так нагло.

– Поди попади в него на такой скорости, – снова начал было Доброжин, но Луговой толкнул его в бок кулаком.

– Смотрите, товарищ младший лейтенант, наш! «Ястребок»!

Соколов вскочил на ноги и повернул голову в сторону, куда показывал сержант. Оттуда нарастал звонкий и такой родной звук мотора «И-16». Тупоносый истребитель с красными звездами на плоскостях вынырнул из-за туч со стороны солнца. От него сразу протянулись в сторону немецких самолетов две яркие трассирующие полосы. Обе пары «мессеров» разошлись в разные стороны, набирая высоту.

– Давай, «ишачок», давай, родной, – чуть ли не приплясывал от возбуждения рядом с командиром Луговой. – Всыпь им по первое число!

Советский истребитель явно проигрывал немецким в скорости. Он тоже начал набирать высоту, но когда первая пара «мессеров» развернулась и попыталась атаковать его, «ястребок» упал на крыло и буквально на месте развернулся в воздухе, демонстрируя невероятную маневренность. Вторая пара проскочила над краснозвездным истребителем, и тут же ведомый подставил советскому летчику свой хвост. Немец попытался уйти испытанным способом: войдя в пикирование, набрать на снижении скорость и потом оторваться от преследователя с набором высоты. Но советский летчик, видимо, знал хитрости немецких асов. Он не пошел догонять «мессер» в пике, а дождался, когда тот стал выходить в вертикаль, и прошил его очередями из двух пулеметов.

«Мессершмитт» сразу потерял скорость, за ним потянулся белый шлейф, и он стал медленно терять высоту. Над дорогой поднялось невероятное ликование: красноармейцы подбрасывали в воздух пилотки и даже каски. Немецкий самолет все падал и падал, а потом исчез за лесом, откуда взметнулось огненное облако и раздался грохот взрыва.

А бой продолжался. Три немецких истребителя вытянулись в линию и атаковали краснозвездную машину один за другим. «Ястребок» крутился, огрызаясь короткими очередями, сам переходил в атаку из самых неожиданных для врага положений. И вот еще один «мессер» вдруг отвалил в сторону и на маленькой скорости потянул на юг над самыми верхушками деревьев. Видимо, у него были серьезные повреждения.

– Эх, суки! – закричал Луговой и грохнул кулаком по крылу над гусеницей танка.

Советский истребитель как будто натолкнулся в воздухе на невидимую стену. Из двигателя стали вырываться языки пламени, потянулся хвостом черный дым. Еще немного – и самолет клюнул носом и, вращаясь вокруг одного крыла, полетел к земле. Все, кто наблюдал за воздушным боем, замерли, но потом над дорогой пронесся вздох облегчения и ликования. Купол парашюта вспух над лесом белым облаком. Снова заработали зенитные пулеметы, и «мессеры» ушли за лес в южном направлении. Над дорогой послышались голоса командиров: «Отбой воздушной тревоги».

– Товарищ младший лейтенант, ну почему он был один, где наши соколы? – повернулся к командиру Луговой. – Ведь неделю, неделю уже отступаем, а где наша армия, где авиация? Ведь мы же должны железным кулаком... собраться... ведь как мы пели, помните...

Соколов видел, как наливаются слезами негодования глаза сержанта-сверхсрочника, как стискиваются его кулаки до белых костяшек пальцев. Надо было что-то отвечать, надо было как-то объяснить своим танкистам. Он же командир, он обязан все знать и поддерживать в них боевой дух. Хотя боевого духа как раз хватало. В бой танкисты вступили на следующий день после начала войны, 23 июня. После ночного марша они с ходу атаковали передовые части фашистов. Атаковали и отбросили. И, выполняя приказ, закрепились на этих рубежах. Это был первый бой молодого лейтенанта Алексея Соколова. Он был горд, что его взвод уничтожил два вражеских танка и несколько десятков человек пехоты. Они полдня выкапывали тремя экипажами танковые окопы, как и положено по уставу. И к полуночи, упав без сил, но полные желания по приказу командира корпуса вскочить и занять места в боевых машинах, они говорили и говорили о вероломном враге, о том, что сейчас Красная Армия соберется в кулак и вышибет обнаглевшего агрессора со своей земли. Но в час ночи пришел приказ сниматься с позиций и отходить на восток.

И вот неделя прошла, а корпуса и дивизии все отступают и отступают. Обливаясь кровью, хороня бойцов, оставляя сгоревшие танки, отходили, оставляя свою землю врагу, оставляя поселки, даже города. Вот уже сто километров от границы, вот уже двести... Соколов стянул с головы шлемофон, взъерошил свои светлые волосы и, откашлявшись, заговорил с интонациями, которые слышал у полкового комиссара за несколько дней до войны на собрании офицеров полка. Молодому командиру было трудно говорить, потому что и Луговой, и Доброжин, и даже механик-водитель Бурун были старше его по возрасту. Все они были сверхсрочниками, которые прослужили в танковых войсках по четыре и пять лет. Их должны были отправить в запас еще весной этого года, но в силу усложнившейся обстановки пришел секретный приказ танкистов в запас не увольнять.

– Это временная мера, Луговой, – заговорил Соколов. – Вы же не первый день в армии, вы понимаете, что раскрытой ладонью не бьют. Командование должно определить, какими силами и в каком направлении ведется наступление противником, определить направление его главного удара, а затем, собрав в мощный кулак все наши бронетанковые силы, ударить, ударить по флангам. Не просто остановить, а окружить и уничтожить врага. Нанести ему такой урон, такие потери, чтобы он в будущем сто раз подумал, прежде чем посягать на нашу Родину!

– Кулак, – тихо пробормотал стоявший рядом сержант Доброжин. – А от нашего кулака только три танка и осталось. Где наш батальон, который придали дивизии? Раздергали по частям наш кулак.

Соколов хотел было возмутиться и строго отчитать командира танка за такие мысли и тактическое непонимание. Доброжин и Луговой были командирами танков в его взводе или, как это звучало в уставе, командиры танковых отделений. На них он надеялся в бою как на себя самого. И то, о чем думали сержанты, было важно для боя, для командира. Как их убедить, что если командование приняло такое решение, значит, в этом была необходимость? Значит, это было единственно правильное решение в данной ситуации. Правда, сам он так не считал, но

веру в командиров поддерживать был обязан. Но сказать молодой командир не успел. К танкам подбежал старший лейтенант в гимнастерке с порванным рукавом и следами крови на боку. Он пробежал глазами по лицам танкистов и спросил торопливо:

– Кто командир?

– Командир танкового взвода, младший лейтенант Соколов, – выпалил Алексей, чуть было не бросив ладонь к голове, как это принято по уставу, но вспомнил в последний момент, что шлемофон у него в руке.

Офицер с каким-то странным сомнением оглядел с ног до головы молодого танкиста в комбинезоне, потом разглядел видневшуюся на гимнастерке петлицу с одиноким кубиком и кивнул головой в сторону дороги.

– Бегом к командиру дивизии. Он тебя вызывает.

Во рту у Соколова мгновенно пересохло от волнения. Раз к самому командиру дивизии, значит, будет приказ. Боевой приказ. А он стоит тут и рассуждает со своими танкистами. А машины не проверены, никакого осмотра, как положено по боевому уставу, не проведено! Эх!

– Никонов, – крикнул Алексей в люк своего танка, – пилотку и фляжку с водой. Командирам танков провести осмотр и проверку машин, подготовить их для марша! Никонов, и планшет мой захватите из машины!

Соколов сполоснул лицо, вытер руки протянутым ему серым грязным полотенцем и сразу же представил, какого цвета у него подворотничок на гимнастерке. Наверное, такого же серого. «Эх, и влетит мне, – подумал лейтенант. – Командир, называется. Конечно, командир дивизии мне не прямой начальник, я прикомандирован к части на время, но пристыдить может и сообщить в корпус может о том, с каким внешним видом у них командиры». Носки сапог он протер о заднюю часть штанин комбинезона, схватил планшет с картой и побежал к дороге, где командиры приводили в порядок колонну и где другой машиной стаскивали на обочину горевшую полуторку.

И только выйдя на дорогу, Соколов понял, что не спросил у старшего лейтенанта, где же искать командира дивизии. Это большая ошибка, он ведь и так задержался, а в армии приказы положено выполнять четко и быстро. Разгильдяй, подумал о себе с горечью молодой командир. Пришлось на бегу расспрашивать красноармейцев и командиров, пока ему не указали в сторону березняка, где была натянута маскировочная сеть и стояли командирская «эмка» и несколько мотоциклов. Пробежав еще несколько метров, Соколов перешел на шаг, восстанавливая дыхание. «Еще не хватало перед командиром дивизии дышать, как запаленная лошадь. Еще подумает, что я волнуюсь или, того хуже, боюсь».

То, что Соколов увидел под маскировочной сетью, заставило его сердце сжаться. На носилках лежал комдив с перевязанными грудью и правой рукой. Лицо полковника было бледным от потери крови. Он что-то говорил начальнику штаба, в то время как начмед и медсестра делали ему укол в руку. Алексей подошел, медленно поднял руку к пилотке, отдавая честь, и растерянно посмотрел на старших офицеров.

– Вот он, – сказал слабым голос командир дивизии, – пришел. Поставь ему задачу, Николай Иванович.

Начальник штаба полковник Деев повернул голову в сторону подошедшего танкиста, поднялся с корточек, отряхнув колено, и коротко бросил:

– Идите за мной!

Слышны были команды, приказ отправлять колонну дальше, взревели мотоциклы разведчиков, которые унесли в голову колонны. Деев остановился возле легкого раскладного походного столика, снял фуражку и устало потер руками лицо. Рядом стояли еще три офицера штаба дивизии, которых Соколов не знал. Зато он увидел летчика в летном комбинезоне и с поцарапанной щекой, который что-то быстро писал, положив листок бумаги с планшетом на колено.

– Как твои танки, командир? – спросил Деев, и Соколов увидел, какие у полковника красные усталые глаза.

– Танки в порядке, товарищ полковник, – бодро отрапортовал Алексей. – Необходимо пополнение горючим и боекомплект. Экипажи здоровы и готовы выполнить любой приказ.

– Это хорошо, что здоровы и готовы, – кивнул полковник и повернул голову к майору с пышными усами. – Горючее и боезапас, что у нас осталось?

– Бензина совсем мало. Если заправить танки, то придется бросить четыре машины. Были бы «тридцатьчетверки», тогда еще ничего, для них солярка есть, а вот для этих «БТ» с бензиновыми двигателями... И с боекомплект не очень. Большую часть резерва патронов мы передали группе капитана Яковлева. Можем выделить по двести патронов на танк. И по тридцать выстрелов – это все, что осталось от снарядов.

– Так. – Деев грозно посмотрел на майора, потом повернулся к Соколову. – Залить в танки горючее под завязку! Полный боезапас патронов к пулеметам. Вот со снарядами у нас плохо, всего сотня танковых выстрелов, это все, что осталось от запасов твоего батальона, танкист.

Соколов ничего не понимал, но взгляд полковника ему не очень нравился. Было в нем не сомнение – вряд ли Деев сомневался в молодом командире, он видел его в бою. Скорее в его взгляде было сожаление. Неуместное какое-то сожаление.

– Слушай приказ, танкист, – заговорил полковник тихим, но твердым голосом. – Пополняешь боезапас, заправляешься и через час выдвигаешься в сторону шоссе Ново-Михайловское – Поздняково. Летун, иди, покажи, где ты видел колонны.

Летчик уже застегивал планшет, отдав исписанный лист бумаги сержанту-связисту. Он подошел к карте, несколько секунд смотрел, ориентируясь, потом взял карандаш и стал показывать.

– Вот здесь, товарищ полковник. Шоссе поворачивает вдоль реки Свислочи и идет на юго-восток. Южнее Ново-Михайловского, в районе железнодорожного депо, колонна грузовиков и бронетехники втягивалась на шоссе. Я сделал два захода и успел насчитать около тридцати танков, два десятка колесно-гусеничных бронетранспортеров, до сотни грузовиков с пехотой, мотоциклисты. С юга к шоссе через поле подходила еще колонна танков. Шли ровно в три ряда. Всего около полутора сотен.

– Понял, танкист, чем дело пахнет? – спросил полковник, заглядывая младшему лейтенанту в глаза. – Дивизия обескровлена, личного состава осталось не больше полка. Почти нет патронов, артиллерии, на плечах висит обоз с ранеными. К вечеру эта механизированная колонна немцев выйдет с шоссе на оперативный простор, развернется и двинется на Минск. А нам нечем сражаться, мы даже не успеем занять оборону, окопаться. Вся надежда на тебя, сынок, понимаешь? Шоссе зажато лесами с двух сторон, вот здесь, в районе понижения, где шоссе спускается в низинку, их можно остановить, задержать. Понимаешь, танкист? Подбить головную технику, продержат совсем немного, не давая возможности отбуксировать подбитые танки и машины, освободив проход по шоссе колонне. Мы передали сообщение в штаб армии, мы передали результаты авиационной разведки. Нужно просто выиграть время! Не дать колонне выйти из лесов на открытое пространство.

– Приказ ясен, товарищ полковник, – неслушающимися губами ответил Соколов.

Он вдруг почувствовал, что взмок под гимнастеркой, под комбинезоном. Это был не страх, это было понимание важности задания, ощущение, что именно ему доверено, он может помочь не роте или батальону – он поможет целой дивизии, армии. Он может помешать немцам выйти в тыл отходящим войскам, спасти тысячи и тысячи жизней. Алексей буквально задохнулся от волнения, он готов был броситься сейчас же к своим танкам. Нет, страх был тоже. Страх, что вдруг не заведется какой-то танк, что они могут подорваться на подходе к шоссе на

минах или попасть под бомбы немецких пикировщиков, которые прилетят добивать колонну, которую обстреляли «мессеры». Он может просто не справиться там, на шоссе.

– Я справлюсь, – уже совсем не по уставу и больше для самого себя, а не для полковника, ответил Соколов. – Я знаю, как это сделать, как построить бой.

– Не сомневался в тебе, сынок, – кивнул полковник по-отечески. – Я видел тебя вчера в бою, знаю, как ты раньше воевал. Мы послали бы с тобой еще кого-то, но смысла в этом нет. Там нужны только танки и больше ничего, а их у нас с тобой только три.

Алексей побежал к своим, слыша за спиной, как полковник Деев отдавал приказ заправить танки и сжечь бесполезные грузовики, как солдаты отправились в лес рубить жерди для носилок. Раненых понесут пешком на руках. Много еще каких приказов отдавал начальник штаба, но от каждого из них в душе молодого лейтенанта поднималось понимание, что остатки дивизии находятся в плачевном состоянии. Попади она под удар гитлеровцев – и все погибнут, потому что сражаться нечем. Только подняться в последний раз в штаны.

– Доброжин, Луговой! Доложить состояние машин! – подбегая к танкам, приказал Соколов, чувствуя, что от волнения его голос готов сорваться на мальчишеский фальцет.

Командиры машин переглянулись и стали докладывать и перечислять все, как и положено по уставу. «Так, – мысленно повторял про себя Алексей, слушая командиров танков своего взвода. – Состояние траков удовлетворительное, у Доброжина расход масла увеличен, но это сейчас неважно, не марш-бросок ведь намечаем. На несколько часов боя хватит, если дольем до уровня. Так, тягу правого фрикциона, ничего, заменить ее – дело пяти минут. Хорошо, пока все хорошо. Плохо, что машины не радиофицированы, ох как бы рация помогла в таком бою, когда все решает маневренность. А советские танки более маневренные, более скоростные, чем немецкие. На этом и надо строить бой. Ребята у меня толковые, не первый бой с ними принимаю, не подводили, храбрые, умелые».

Пока механики заправляли баки, а заряжающие принимали снаряды и патроны из подошедших к танкам полуторок, Соколов с командирами танков расстелил на траве карту, ставя задачу.

– Эх, вот придумали штабисты! – то ли возмущился, то ли обрадовался Луговой, но возглас у него был возбужденный. – Тремя танками остановить колонну? Лихо!

– Место хорошее, – пожевывая травинку, кивнул Доброжин. – Судя по карте, там кроме шести метров дорожного полотна еще метров десять в каждую сторону обочины с кюветами. Не особенно объедешь головную машину, если ее поджечь. А в низинке они вообще откосами будут зажаты. Жалко, что не ущелье, как в горах, перепад высот всего метра три.

– Да, – Соколов потыкал карандашом в горизонтали топографической карты, – 2,5–5 метров. А вот здесь как раз редколесье. Им наверх не подняться, а мы можем маневрировать на крыльях оврагов. Выскочил, выстрел, второй – и снова назад, главное механикам скорость не выключать. Выскочил на откос – и сразу заднюю скорость, и держать ногу на педали, держать, потом тычок сапогом ему в спину – не надейтесь на ТПУ¹, в грохоте боя частенько и не слышно друг друга. Больше надейтесь на жесты, на команды руками. Лучше их дублировать. И еще, ребята. Действовать придется каждому на своем участке в одиночку. Получается, что каждый воюет самостоятельно и решение принимает сам, исходя из обстановки на своем участке. По-другому никак. И еще там, в голове колонны, могут идти у немцев танки «Панцер III». У них броня толще, особенно лобовая. Не старайтесь пробить лобовую броню, бейте лучше по гусеницам, сбивайте их с катушек. Нам главное – остановить колонну. А если с порванной гусеницей танк повернется бортом, добивайте бронебойным.

¹ ТПУ – танковое переговорное устройство. Внутренняя проводная связь между членами экипажа через головные телефоны в шлемофонах и ларингофоны, застегивавшиеся на горле каждого танкиста.

– Это мы понимаем, – спокойно кивнул Доброжин. – Да вы не беспокойтесь, товарищ младший лейтенант, мы сделаем все, как приказано. Что тут хитрого-то?

– Раздолбаем за милую душу колонну, – оскалив зло прокуренные зубы, отозвался Луговой. – Горючку нам заливают, снарядов подбросят. Живем!

– Тогда слушайте приказ. Сержант Доброжин, вы...

Алексей понимал, что все три танка ставить на шоссе перед колонной нельзя. Через полчаса максимум их подожгут, и немцы пойдут дальше. Там он поставит одного Доброжина. Сибиряк спокойный командир, рассудительный. И экипаж у него такой же. Его задача: с ходу подбить головную машину, лучше две. Уходить за деревья и неожиданно возвращаться снова и стрелять, не давая растащить на буксире затор на дороге. Пулеметчика лучше из танка высадить и подготовить ему позицию у края дороги. Чтобы он не дал пехоте просочиться вперед. Самая трудная задача будет у Доброжина, но он справится. Только он и справится. «А мы с Луговым, каждый на своем склоне, будем маневрировать, менять позиции, показываться только на один-два выстрела и снова уходить назад. Немцы и не поймут, что их атаковали всего три машины. А когда поймут, то постараются нас обойти, а по лесу это не так просто. У них подвеска слабовата для пересеченной местности, у них танки проектировались под европейскую войну, под броски по дорогам и охватам по шоссе с покрытием. Проходимость у них слабая. А наши «БТ-7» в этих условиях просто незаменимы!»

– Все понятно? – убирая карту в планшет, спросил Соколов. – Вопросы есть?

– Никак нет, товарищ, младший лейтенант. Задача понятна.

– И вот еще что, ребята. Нам приказано идти напрямик через лес, чтобы быстрее выйти к намеченному рубежу. Но мы через лес не пойдём. Опушкой леса выходим к шоссе и жмем на максимальной скорости по нему до развилки дорог, потом сворачиваем на северо-запад. Идете за мной как пришитые. В лесу пни и упавшие деревья, а у нас гусеницы все ресурсы выработали, лишних пятьсот километров уже на них отмахали. И других не будет. А на колесный ход в условиях боя перейти мы не сможем. Пока трансмиссию на колесный ход переключишь, пока руль установишь. Подожгут в два счета.

Последние напутствия позади. Танки, лязгая гусеницами и вырывая с корнем траву вперемешку с хвоей из лесной подстилки, пошли вдоль опушки на запад. Алексею это показалось почему-то символичным. «Вот, все отступают, идут на восток, а мы чуть ли не первые, кто повернул на запад». Хотя не первые. Сколько было контратак за эти дни, сколько ответных ударов! Внутри стало как-то неуютно. Молодой командир впервые почувствовал себя так.

Ведь все бои, в которых он участвовал, начиная с 23 июня, были боями в составе частей и подразделений. Никогда он еще не был один. А сейчас? С тремя танками он должен выйти против стальной армады врага и... наверное, погибнуть. А ребята понимают это? Конечно, понимают. Соколову стало даже как-то немножко стыдно, ведь его сержанты, командиры танков ничем не выдали себя, слушая, как он ставит задачу, а ведь понимали, на что идут. А он сейчас мандражирует. «Нет, – прикрикнул внутренне на себя Алексей. – Вся армия сейчас не щадит себя, каждый командир и красноармеец идет на смерть с готовностью и гордостью. И я так же! Это мой долг красного командира – защищать свою землю, свой народ. Пусть и ценой собственной жизни. Враг не пройдет!» Алексей, сидя в люке своего танка, обернулся и посмотрел, как легко идут две «бетушки» в поднятой его танком пыли. Хорошо идут, уверенно. Он сдвинул на затылок шлемофон, подставляя взмокший лоб свежему ветру.

Гул ощущался не только в воздухе. Старый потрескавшийся асфальт, казалось, дрожал под ногами. Соколов стоял и смотрел, как из танка Доброжина вытаскивают пулемет «ДТ» с металлическими дисковыми магазинами. Еще по десять пулеметных дисков передали с других танков. Так, позиция хороша. С одной стороны откос низинки прикрывает, с другой – полотно дороги на голову выше пулеметчика. И сам он лежит в небольшой канавке, почти в

естественном окопчике, в пулеметной ячейке. Доброжин подбежал, бросил своему пулеметчику малую саперную лопатку:

– Держи, Сашок! Окопайся поглубже, пока время есть!

– Ну что, Доброжин, – Алексей подошел к командиру танка и взял его за плечи.

Много говорить не хотелось, не хотелось расслаблять сержанта, да и самому расслабляться.

– Нормально, командир, – не по уставу ответил Доброжин. – Задачу выполним. Остановим врага.

Они обнялись, и Соколов побежал к двум танкам, где его ждал Луговой. Сержант нетерпеливо топтался возле переднего люка своей машины и что-то втолковывал механику-водителю, поглядывая то на небо, то на шоссе, где в любой момент могли появиться вражеские танки.

– Не пора нам, товарищ младший лейтенант? – сразу же спросил он, когда подошел Соколов.

– Пора, – кивнул Алексей и протянул руку сержанту. Тот пожал ее горячо и широко улыбнулся.

– Вот это мне нравится, вот такую хитрость я одобряю. Они ведь не знают ничего, они прут и прут, лишь бы поскорее с дороги в степь выехать, из лесов бы выбраться. Они думают, что они самые хитрые. А вот им! – Луговой вытянул руку со сложенными в дулю пальцами. – Нежданчик им тут небольшой!

– Вы там поосторожнее, Луговой, – попросил Алексей и постарался улыбнуться как можно веселее и беззаботнее. – Не лезьте на рожон. Выскочили, встали, выстрел, поиск новой цели и назад. В другом месте выскочили и снова так же. Старайтесь не делать два выстрела подряд. Могут подбить, и тогда задачу мы не выполним. Мы сегодня должны о себе беспокоиться только потому, что если погибнем раньше времени, то немцы прорвутся. Понимаете?

– Так точно! – Сержант бодро вскинул руку к шлемофону, отдавая честь. – Есть не помирать раньше времени!

Танк Лугового развернулся и пошел по склону над дорогой. Все выше и выше. Вот он взобрался на самый верх откоса и скрылся за деревьями. «Ну, все, – подумал Соколов, – все на местах. Пора и мне». Он запрыгнул на борт, опустил ноги в люк башни, нашел разъем ТПУ и, прижав ларингофон к горлу, приказал:

– Вперед, Бурун, наверх.

Со скрежетом рычаг встал на нужное место, и танк, лязгнув гусеницами, пошел в сторону склона. Поднявшись на самый верх, Соколов осмотрелся, но так и не увидел танка Лугового. Молодец, сержант, мысленно одобрил он действия командира отделения.

– Бурун, на малых, – приказал Алексей механику-водителю, осматривая бровку склона и деревья поодаль.

Выскакивать на самый край нельзя – осыпается земля, там нет скалистой породы, только каменная мелочь. Загредишь вместе с машиной на дорогу. Придется точно командовать Буруну, а он может не услышать вовремя. Значит, по старинке: ноги ему на плечи и дублировать команды. И Никонову дублировать придется жестами. Там пехоты до черта вместе с танками. Придется стрелять, чуть ли не чередуя бронебойные снаряды и осколочные. Осколочных больше нормы, а бронебойных совсем мало. Мазать нельзя.

Тишина висела в воздухе тяжелая, как удушливый дым от горящего и чадающего танка. Соколов провел рукой по шее и расстегнул воротник гимнастерки под комбинезоном. Не по уставу, да не до этого сейчас. Он набрал полную грудь воздуха и с силой выдохнул. И тут прорвались звуки. Сразу много, как будто там вдалеке они все стояли и ждали, готовились. Шум моторов и лязг гусениц как будто вспучился и заполнил дорогу внизу. Сразу всю! По всей ширине и по длине до самого горизонта на западе. Соколов увидел их. Впереди шли пять

танков, за ним несколько бронетранспортеров с крупнокалиберными пулеметами на турелях над головой водителя. Дальше тупорылые чужие грузовики с тентами над кузовами, а потом... Танки, бронетранспортеры, снова грузовики. И насколько глаз хватало, шло железо, урчало моторами. Пыхтело выхлопными газами. И все это смрадное чудовище перло на восток. И ждали их здесь в низинке да на склонах овражка всего три советских легких танка.

Первый выстрел прозвучал! Это пушка танка Доброжина. Потом еще один выстрел и еще. Что он делает? Три выстрела подряд! Сожгут же! «А может, он и прав, прав, сибиряк, а я не додумался», – спускаясь в люк, подумал с досадой Соколов. Пока его не ждут, пока есть эффект неожиданности, он поступил правильно. Три снаряда на расстоянии, как раньше в Мировую говорили на флоте, «револьверного выстрела», с 200 метров. Для танка это почти в упор. Прижав лицо к панораме, молодой командир сразу увидел, что снизу поднимается копоть, и услышал, что там поднялась стрельба. «Подбил ведь, сибиряк, подбил! Запер их. А теперь мы ему поможем».

Руки крест-накрест. Левая на механизме подъема орудия, правая на рукоятке поворота башни. В казеннике бронебойный снаряд, уровень ствола и поворот башни примерно такой, каким Соколов его определил, чтобы стрелять вниз по голове колонны. С первым выстрелом будет проще, с остальными можно и не угадать.

– Бурун, вперед!

Танк рванулся к обрыву, в перископе закачались деревья, пришлось вдавиться в мягкий нарамник лицом и гасить телом колебания машины на подвеске.

– Короткая! – крикнул Алексей и толкнул механика ногой в спину условным сигналом.

Танк почти сразу замер, «клюнув» передком, и закачался на подвеске.

– Дорожка! – последовал ответ механика.

«Черт, остановись же, родимый». На дороге первый танк дымит и полыхает, по асфальту растекается огненное пятно разлившегося бензина. Второй танк развернулся, наверное, от неожиданности, и подставил свой борт. Из бокового люка свисает мертвый танкист. На дороге еще несколько черных фигур распластались. Третий и четвертый танки расплозаются в разные стороны и пытаются прикрыть пятый, который готовится отбуксировать подбитые машины назад, чтобы освободить проход для атаки. «Это не так быстро, ребятки», – злорадно подумал Соколов, удивившись, как много мыслей пронеслось в его голове, как много он успел увидеть и понять буквально за пару секунд, пока раскачивался танк и пока он доводил пушку.

Правая рука вращает механизм поворота башни, совмещая марку с целью по направлению, левая – механизм опускания ствола. Прицельная марка совместилась с целью по дальности. В прицеле борт дальнего от него танка, того, что обошел подбитую технику и держит под прицелом дорогу. «А вот получи сюрприз», – со злорадством подумал Алексей.

– Выстрел! – крикнул Соколов, нажимая на педаль спуска орудия.

Грохнул выстрел, горячая гильза выскочила из казенника, башня наполнилась пороховыми газами. Лейтенант успел увидеть, как борт вражеского танка полыхнул огнем и белым дымом. Попадание! Есть поражение!

– Назад, Бурун! – закричал Соколов и толкнул механика в спину. Танк лязгнув гусеницами и полез назад, ломая кустарник.

Было слышно, что еще стреляют пушки, но разобрать, кто и в кого, было сложно. Дав команду сместиться вправо, Соколов отсчитывал метры. Еще пять метров, еще немного. Хватит! Поворот. И снова команда «вперед», снова «короткая». Он после первого выстрела уже приблизительно наметил себе цель – первый бронетранспортер. Значит, башню по курсу, высота примерно та же. Снова снаряд в казенник и лицом к панораме... кашель душит, но Соколов не отрывается от перископа. «Выстрел» – и снова гильза полетела на пол, и снова вентилятор с натугой стал пытаться вытянуть из башни пороховые газы. Попадание! – борт машины вздулся огненным бугром.

Бурун, не дожидаясь команды, рванул танк назад. «Я виноват, – подумал со злостью Соколов. – Механик, если команды не было, действует после выстрела по своему усмотрению, а я забыл, что должен был дать ему команду. Теперь влево... назад, к первой позиции. Только теперь нас будут ждать: склон невысок, всего метра три, и они поднимут стволы пушек и будут нас караулить. Но они пока не знают, сколько нас. И бить надо по головным, по головным, запирайте их и не дайте отбуксировать подбитую технику в сторону и подбивать новые».

Грохот стоял такой, что закладывало уши. Было непривычно не видеть всего поля боя, не чувствовать, что ты командуешь взводом. Сейчас каждый танк сражался так, как будто он был один на всем белом свете. Соколов уже машинально нажимал сапогами на плечи механика, Бурун мгновенно реагировал, разворачивая машину, двигаясь то вперед, то назад. Выстрел за выстрелом грохотали в башне, оглушали, отдавались звоном в голове, в маленьком объеме железного пространства было уже нечем дышать. От пороховых газов слезились глаза, но молодой лейтенант упорно наводил оружие и стрелял, стрелял. Он бил болванками в борта танков, бил по каткам гусениц, он расстреливал поднимающуюся для атаки вдоль дороги пехоту осколочными снарядами. Он слышал треск пулемета своего танка и скрежет гусениц по камням на склоне.

Сколько уже идет бой? На дороге все горело, но там еще шевелились и двигались бронированные немецкие машины. Башни вражеских танков задирали пушки и били по склонам, где на высоте метров трех над дорогой то и дело появлялись советские быстроходные танки, расстреливающие колонну. И в голове Алексея все чаще начинала болезненно и панически пульсировать мысль: а что делать, если кончатся снаряды и патроны? Если они кончатся, а немцы будут все так же упорно пробиваться сквозь огонь по шоссе? Он отгонял эти мысли, выхватывая из укладки снаряд за снарядом, видя, как все меньше там остается бронебойных.

А потом неожиданно Соколов увидел, что танк на противоположном склоне замер.

– Назад, Луговой, назад, – кричал лейтенант что есть силы, даже не думая, что командир отделения его не слышит.

Левая гусеница разматывалась, сползая с траков, в башне дымилась пробоина как раз на уровне белой цифры номера машины. Еще одно попадание, от которого «бетушка» вздрогнула, как живая, – и из нее повалил дым. А дальше произошло страшное, страшное еще и тем, что в глазах Соколова все происходило как на кадрах замедленного кино. Подбитая машина взревела, выбрасывая чадящие клубы дыма, бешено завращались ведущие катки, танк стал разворачиваться на самом склоне, все больше поворачиваясь боком к обрыву. Вот в его борт уже на уровне механика-водителя угодил еще один вражеский снаряд. Лейтенанту даже показалось, что он услышал в адском грохоте боя, как подбитый танк взревел раненым зверем и повалился вниз. Вниз, прямо на скопление подбитых и целых вражеских танков, на головы солдат. Машина вспыхнула еще в воздухе, а потом земля вздрогнула от удара, и в небо взметнулся огненный столб.

– Назад, Бурун! – Толчок в спину – и танк рванулся от края обрыва назад.

Осколочный, еще осколочный, хрипло командовал сам себе Алексей, обдирая пальцы о края металла. Он со звоном вгонял каждый снаряд в казенник пушки, командовал механику и снова наводил и стрелял. Туда, в огненную кашу. Туда, где горели грузовики и разбежались солдаты в чужих мундирах, где пятились танки и сталкивались бронетранспортеры. А потом удар, от которого танк Соколова вздрогнул так, будто столкнулся с поездом. Броня загудела, лейтенанта ударило по ногам, и он повис, вцепившись руками в нарамник перископа. Впереди край обрыва, внизу танки, а они стояли, и двигатель не работал. Танк умер! Это было понятно.

– Бурун, ты что? – крикнул лейтенант, посмотрев вниз, и увидел, что механик-водитель сидит, скособочившись в своем кресле.

Первым порывом было броситься в нижнее отделение, оттащить раненого или мертвого водителя и заводить мотор. Но он быстро понял всю безнадежность. Немецкая болванка про-

шла снизу вверх. Рваные края металла, обломки тяги фрикционов, погнутые рычаги и вывернутые педали. Окровавленная правая сторона туловища водителя и кровь, много крови, которой было забрызгано все вокруг, и даже сапоги самого лейтенанта. Болванка уже на излете угодила снизу в казенник пушки, заклинив его. Соколов дергал рычаг, но пушка не двигалась с места.

Никонов тряс головой, сжимая ее руками. Соколов схватил его за плечо и стал кричать, чтобы пулеметчик выбирался через люк, а сам стал вытягивать танковый пулемет из кожуха на лобовой бронеплите. Со звоном по башне чиркнула еще одна болванка. Спину Соколова осыпало осколками брони, даже на зубах скрипело от металлического крошева. Он вытянул все же пулемет и еще раз посмотрел в лицо мертвого механика. Тот смотрел в сторону, оскалив зло рот и вцепившись мертвыми руками в обломки рычагов.

– Сюда! Стреляй, стреляй вниз! – укладывая пулемет на траву и таща за рукав комбинезона Никонова, кричал Соколов.

Тот упал рядом, кивая и хватаясь за пулемет трясущимися руками. Парень был контужен, но не хотел сдаваться. Соколов прокричал ему, что посмотрит, что с пушкой и можно ли стрелять, но тут его «бетушка» вспыхнула, обдав обоих танкистов жаром. Дальше Алексей почти ничего не помнил. Он, кажется, тащил раненого Никонова подальше от горящего танка, потом сам стрелял из пулемета вниз по фашистам. Потом, кажется, из пистолета. Потом над головой пролетели два самолета с красными звездами на крыльях, и Алексей тряс за плечо лежавшего рядом мертвого Никонова и кричал: «Наши, наши!»

Когда генерал Тарханов – командир мехкорпуса, направленного для ликвидации прорыва немецких колонн на минском направлении со стороны Ново-Михайловского, вылез из бронемашины, то увиденное заставило его постоять молча несколько минут, созерцая страшную картину прошедшего боя.

– Кто-то живой есть? – спросил он командира батальона, первым прорвавшегося к месту боя.

– Только один, – кивнул офицер на верхний склон справа, где догорал «БТ-7». – Лейтенант, мальчишка совсем. Два месяца как из танковой школы. Последний предвоенный выпуск. Там наверху сидит. Они до последнего из пулемета стреляли, когда их танк подбили.

– Пойдем, покажешь. – Прихрамывая, генерал двинулся наверх.

Он шел и осматривался по сторонам. Один танк с красной звездой на борту стоял посреди дороги, в двухстах метрах перед первым подбитым немецким танком. Стоял как-то гордо, наведя ствол пушки на врага, хотя обе гусеницы у него были разбиты, скомканы и застряли между искореженными катками. И в башне виднелись как минимум три пробоины. Почему танк не загорелся и почему в нем не взорвался боезапас, было непонятно. Прямо перед танком лежал на спине сержант-танкист. Видно было, что он пытался вытащить из люка механика-водителя, когда его спину прошила пулеметная очередь.

Чуть поодаль в кювете, присыпанный землей от взрыва, лежал еще один танкист. Рядом разбитый пулемет «ДТ», и все вокруг было усеяно гильзами от патронов. Долго он стрелял, хорошая была позиция. И пулеметчик он был тоже хороший. Ближе ста метров к своей позиции он немцев не подпустил. Вон их сколько лежит на дороге. А еще тела висят из танковых люков, на бортах подбитых бронетранспортеров.

Да, ребята грамотно действовали, молодец, лейтенант. Заперли они колонну на самом узком участке шоссе и расстреливали с трех сторон. Тот танк, что стоит внизу, держался долго. Видно по следам гусениц, что он успел раз десять выскочить из-за деревьев, выстрелить и снова спрятаться. Маневрировал. А может, и не десять, ведь на камнях следов мало остается. Генерал покачал головой, поднимаясь выше по склону. Теперь он видел, что второй советский танк рухнул со склона прямо на врага. Он подмял под себя один танк и один бронетранспортер.

А сколько там погибло немцев от взрыва и огня, не посчитаешь. Вот он-то всех и запер: там столько огня было, что не подойдешь с буксировочным тросом. Герои ребята, ах, какие герои.

Третий «БТ» стоял у самого склона и догорал. Генерал обошел его и тут же увидел молодого танкиста с закопченным лицом и светлыми волосами, которые трепал ветерок. Он сидел, прислонившись спиной к березке, и смотрел куда-то вдаль. Генерал обратил внимание, что парень-то был явно не в состоянии шока. Он вытащил из танка механика. И второй член экипажа лежал рядом, и оба тела старательно накрыты брезентом. И пулемет на склоне лежит с пустыми дисками. Все патроны до железки ребята расстреляли.

– А ну, герой, дай-ка я на тебя погляжу! – громко сказал генерал, подходя к танкисту.

Младший лейтенант, судя по его петлицам, как будто проснулся, он встревоженно закрыл головой, увидел генеральскую форму и поспешно вскочил на ноги. Шлемофон он так и не нашел и теперь стоял с непокрытой головой. Его рука все время дергалась, как будто хотела взметнуться к козырьку и отдать честь старшему по званию. Мальчишка, совсем мальчишка.

– Товарищ генерал-майор, – хриплым голосом начал докладывать молодой командир, – танковый взвод в составе трех танков удерживал шоссе по приказу командира дивизии, до подхода основных сил. Уничтожено восемнадцать вражеских танков, восемь бронетранспортеров, пять грузовиков и до батальона пехоты. Взвод потерял... три танка... вместе с экипажами. Командир взвода младший лейтенант Соколов.

– Сколько тебе лет, Соколов?

– Двадцать один, товарищ генерал, – ответил Алексей и закашлялся. – В сентябре будет...

Он сидел на заднем сиденье командирского броневика и на неровностях дороги стучался локтем о какую-то железку сбоку от себя. Хотелось есть и пить. И еще нестерпимо хотелось умыться. До пояса, потому что тело под одеждой стало липким. А генерал, не поворачивая головы, рассказывал:

– На станции сейчас помпотех разгружает прибывшие с завода «тридцатьчетверки». В училище вас учили на них? То-то же. Новенькие, этого года выпуска. Возьму тебя к себе взводным командиром. Как? Согласен, герой? Мне такие орлы нужны, мне всю армию прикрывать на этом направлении. С твоим переводом решим в два счета. Это дела бумажные, не переживай. Главное, ты-то согласен?

Соколов слушал, смотрел вперед, на поля и проселочную дорогу, видневшиеся через поднятый люк на лобовой броне машины. А перед глазами стояло другое видение: сторовенные «бетушки», его ребята, лежавшие на земле, и горящий танк, валившийся с обрыва прямо на немецкую колонну внизу. Потом стали всплывать в памяти и другие картины, виденные Алексеем за эти первые дни войны. Кто и когда узнает имена и фамилии этих солдат, оставшихся лежать на брустверах окопов со связкой гранат в руке в чистом поле, так и не успев бросить ее под гусеницы вражеского танка? Сколько их осталось в полях среди нескошенной ржи вперемешку с чужими солдатами в чужих мундирах? Сколько их поднималось в отчаянные безрассудные контратаки и гибло, забирая с собой жизни врага?! Чем больше убить, тем меньше их пойдет дальше. Так сказал капитан-пограничник своим бойцам, оставаясь прикрывать отход войск. И такое было.

Нет, фамилии и имена вспомнят. «Что же это я, – горько подумал Соколов. – Есть списки частей, места боев – все это отражается в журналах боевых действий. И если рота погибла, то в полку знают место и штат пофамильно. И в дивизии знают, где сражался ее полк, и так далее. Нет, безвестным не погибнет никто. Всех и каждого будем помнить. Нам бы только победить сейчас. Устоять бы только!»

Глава 2

То, что на него поглядывают танкисты, Алексей понял не сразу. Он шел вдоль рядов танков и поглаживал холодный металл, трогал гусеницы, отходил на несколько шагов назад, любуясь очертаниями машины. Это были новые «тридцатьчетверки», уже с некоторыми изменениями и доработками. Которые произошли после того, как Соколов вышел из стен танковой школы. У этих красавцев увеличена толщина брони башни и лобового бронелиста корпуса до 60 мм, бортовые листы установлены под большим углом. А еще погон башни расширен до размера 1600 мм, да еще появилась командирская башенка с перископом для кругового обзора. А еще новая торсионная подвеска. Да этому танку цены нет!

– Что, нравится машина?

Соколов обернулся и увидел перед собой командира с одной «шпалой» в петлице. Выгравшая гимнастерка, танковые эмблемы в петлицах, а самое главное, марлевая повязка на голове, видневшаяся из-под фуражки, заставили Соколова почувствовать себя неудобно. По прибытии вместе с генералом в расположение корпуса Алексею, не дожидаясь постановки его на вещевое довольствие, по личному распоряжению командира выдали новое обмундирование взамен старого грязного и местами прожженного. И он сейчас чувствовал себя в необмывшейся гимнастерке с новыми ремнями выпускником танковой школы, не нюхавшим пороха.

– Младший лейтенант Соколов, – вскинув руку к козырьку фуражки, стал докладывать Алексей. – Прибыл для дальнейшего прохождения службы в должности командира танкового взвода.

– А, это ты тот самый Соколов? – улыбнулся устало, одними губами капитан. – Наслышаны уже.

– Я ищу командира батальона капитана Заболодько.

– Я Заболодько, – протянул сухую шершавую ладонь капитан. – Поступаешь в мое распоряжение. Получишь взвод. Учти, что задачи у нас с тобой будут очень ответственные, Соколов, мы резерв командира корпуса, нас бросают из огня да в полымя. И дыры в обороне затыкать, и прорывы ликвидировать, и самих нас часто в прорывы бросают. Скучать некогда. Так что за машинами следи. Получишь формуляры и сразу вспоминай теорию, техническую часть. Воевать тебе на «Т-34» не приходилось, особенности этих машин надо знать не в теории, а на практике. Так что учиться тебе в бою и... по ночам. Усвоил, младший лейтенант?

– Так точно! – постарался ответить бодро Соколов. – Только я не совсем понял, товарищ капитан. Что это за резерв командира корпуса? Я не помню такого в Боевом уставе танковых войск.

– А Боевой устав, товарищ младший лейтенант, теперь пишется кровью, дополняется новыми страницами и разделами. Не сразу все войдет в него, но война учит нас воевать по-новому. Ты вот на Ново-Михайловском шоссе по уставу воевал или применялся к конкретным условиям? Что ты там взял из раздела «Танковый взвод в обороне»?

– Глава первая Устава РККА, Общие основы: «Оборона нашей Родины есть активная оборона», – бойко ответил Алексей и тут же замялся. – Из раздела «Танковый взвод в обороне»...

– Вот то-то же, – снисходительно похлопал молодого командира по плечу капитан. – Действовал ты правильно. Это по уставу ты должен был выкопать танковые окопы на заранее выбранной позиции, подготовить запасные позиции, а потом, когда атакующий враг будет обескровлен, атаковать его всеми имеющимися силами и разгромить. Только ты задачу выполнял в таких условиях, что возможности у тебя ни выбрать, ни занять позицию для обороны не было. И ты еще часто будешь сталкиваться в реальных боевых условиях с ситуациями, когда нужно не столько знание устава, сколько понимание возможности своих боевых машин, зна-

ние тактики врага. И искать решения ты будешь неожиданные, решительные. Чтобы магчасть сберечь, своих людей и нанести урон врагу. Но самое главное сейчас – это остановить врага, его продвижение по нашей земле. Любой ценой, ценой своей жизни. Ладно, ты у меня командир геройский, но этого мало. Ты должен знать материальную часть лучше механика-водителя, вооружение лучше наводчика, радиостанцию лучше радиста-пулеметчика. Знать лучше и учить своих подчиненных, особенно командиров отделений. Как их танки станут действовать, таковы и будут боевые успехи твоего взвода.

– Так точно! – попытался твердо ответить Соколов.

Странно, подумал он. В их танковом полку с первого дня войны он таких разговоров больше не слышал. Ни об учебе, ни об уставах. Приказ был один: «В бой!» И они бросались в бой, жгли немецкие танки, горели сами, сражались в немыслимых условиях, о которых в уставах и не упоминалось даже. А тут... Хотя Соколов и слышал, что механизированные корпуса стали возрождать перед войной, но о структуре их имел представление не совсем полное. В танковой школе эту тему почти не изучали. Говорилось лишь, что танковые корпуса в 38-м году расформировывали по всем войскам как неэффективные и не соответствующие современной войне.

Взвод пополнялся новыми танками, два экипажа были в наличии. Испытанные танкисты, воевавшие с первых часов войны, успевшие понюхать пороху, подбивавшие немецкие танки и даже горевшие уже сами. С новыми танками пришли и новые люди. Кто из запаса, кто из восточных округов, кто-то из попавших в окружение частей, сумевшие прорваться к своим. И когда Соколов отправился к прибывшим для пополнения отбирать себе экипаж командирского танка, то он обратил внимание на зрелого хмурого мужчину в мятой новой форме, который сидел поодаль от других на патронных ящиках. Командиры проходили мимо него и начинали беседовать с танкистами в выгоревшей форме, явно имевшими боевой опыт.

– Представьтесь, товарищ младший сержант, – потребовал Соколов, остановившись перед танкистом.

– Младший сержант Бабенко, – неуклюже поднявшись и одернув гимнастерку, ответил танкист. – Прибыл с пополнением из учебной роты на должность механика-водителя.

– Какой имеете опыт вождения в часах? На каких машинах?

Соколов спрашивал скорее машинально, уже жалея, что поднял этого человека. Тракторист, наверное, хотя внешность у него не крестьянская, человек явно городской, даже какой-то интеллигентный. На тракториста строительного участка тоже не очень похож.

– 2800 часов, товарищ младший лейтенант. Из них на танках «Т-34» 1200 часов. Остальное на «А-20», «БТ-5», «БТ-7».

– Что? – опешил Алексей. – Вы кто?

– Бабенко я, Семен Михайлович, – вдруг скромно улыбнулся мужчина, и возле глаз у него образовались добрые отеческие складки. – Водитель-испытатель со 183-го Харьковского завода. Напросился вот на фронт. А так я с 1937 года гоняю танки на полигонах. И по шоссе, и по оврагам и буеракам. И по воде гонял, и через огонь тоже.

– Слушайте, хотите в мой экипаж? – обрадовался Алексей, сразу оценив пользу для экипажа, когда в нем будет человек с таким опытом и знаниями.

– Так я в любой согласен, – пожал Бабенко плечами. – Командиры мимо все проходят, думают, наверное, что я по возрасту им не подхожу. Все молодых да опытных ищут. Я для чего от брони отказывался? Чтобы на фронт, чтобы свое знание машин и свой опыт применить!

– Хорошо. – Соколов закурил головой по сторонам, как будто размышляя, куда можно спрятать ценного механика-водителя. – Сидите пока здесь. Кто будет спрашивать, отвечайте, что вы назначены уже в батальон капитана Заболотько. Я скоро вернусь. Только никуда не уходите, дорогой товарищ.

– Да какой я дорогой, – улыбнулся снова Бабенко, потом смутился, кашлянул и обратился: – Виноват, товарищ командир, спросить хотел вас. А вы... воевали уже или, как и я... только прибыли?

– Воевал, Семен Михайлович, – вздохнул Алексей, вспомнив свои экипажи. – Воевал. И первый свой бой я принял на второй день войны, когда нас с марша бросили на врага. С тех пор и воюю. Как и все.

Сирена взвыла неожиданно. Загудели паровозы, послышались крики командиров, резко дернул паровоз, двигая опустевший уже состав с платформами и теплушками, в которых был доставлен личный состав танкового пополнения.

– Воздушная тревога! – закричал, как и положено, Соколов, вторя голосам командиров, и, не имея на данный момент своего подразделения, стал искать убежище для одного себя.

Разгрузка поступивших с завода танков и личного состава происходила не на железнодорожной станции, а на запасной ветке, в километре от нее, на краю небольшого овражка с речкой Чернухой, как значилось на крупномасштабной командирской карте. Снятые с платформ танки отвели в соседний лесок, туда же уходили машины, загрузившиеся снарядами и патронами. Несколько бензовозов ждали своей очереди возле цистерн.

Четверка «Юнкерсов» вышла из облаков и встала в круг, готовясь к боевому пикированию. Пара «мессершмиттов» прошла над железнодорожным полотном, теплушками и машинами, поливая все огнем пушек и пулеметов. Звуки авиационных моторов, удары пуль по металлу и земле, разрывы малокалиберных снарядов смешались с криками и суетой разбегающихся в разные стороны людей. Сразу начали бить 37-миллиметровые автоматические зенитные пушки, заработали спаренные зенитные пулеметы на железнодорожных платформах.

«Самое правильное, – подумал Соколов, – это отбежать подальше в сторону от техники. Если я никак не задействован в ее разгрузке и обслуживании, то лучше и не мешаться». Но тут он увидел мечущегося между полуторками Бабенко. Механик-водитель явно не знал, куда ему деваться и что делать. Алексею показалось, что Бабенко мечется, потому что получил приказ от него, Соколова, ждать. И не может покинуть добровольно указанного места. «Как же я, – разозлился на себя молодой командир, – я же его взял к себе в экипаж, фактически он уже почти мой подчиненный, а я его бросил!»

– Бабенко! – заорал Алексей и бросился к водителю. – Сюда, Семен Михалыч!

Мужчина обернулся, непонятно каким чудом услышав в окружающем шуме голос командира, кивнул и поспешил за Алексеем к краю оврага. Но тут послышался ужасный вой пикировщиков, а затем и сбрасываемых ими бомб. Черные разрывы вспучились среди скопления людей и техники. Земля вздрогнула под ногами так, что Соколов упал на бегу и свалил своего нового водителя. В воздухе сразу запахло кислым от сторевшей взрывчатки. Алексей попытался подняться, встать на ноги на приплясывающей под его ногами земле и тянуть Бабенко в сторону оврага. И их снова опалило близкими разрывами, ударив в спины взрывной волной и свалив с ног. Чудом подвернулась какая-то небольшая яма, в которую лейтенант толкнул Бабенко и упал на него следом сам.

Вой пикировщиков сливался с грохотом разрывов, через которые пробивались упорные хлопки зенитных пушек. От каждого взрыва земля вздрагивала, на голову летели мелкие камни, какие-то щепки. Алексей через пару минут перестал вдавливаясь в землю и осмелился поднять голову над краем ямы. «Юнкерсы» один за другим пикировали, сбрасывая по две бомбы, и, выровнявшись над землей, уходили в сторону и снова поднимались к облакам, заходя на второй круг.

К удивлению Соколова, не все бойцы попрятались и разбежались в стороны. Кто-то стоял или лежал на спине, стреляя по немецким самолетам из винтовок. Внимание лейтенанта привлек невысокий черноволосый парень, который положил ствол ручного пулемета на борт полуторки и целился в пикирующий самолет. Он вел и вел стволом, прицеливаясь, а затем, в момент

выхода «Юнкерса» из пикирования, дал длинную очередь, ведя стволом пулемета следом за самолетом. Второй самолет заходил на пикирование – и снова боец стал ловить его в прицел. Алексей восхитился самообладанием этого бойца, но тут близкий разрыв снова заставил его убрать голову и вжаться в землю вместе с Бабенко.

Рядом закричали, послышались команды и чей-то возглас, что сейчас рванет. Соколов снова поднял голову и увидел машину, в кузове которой стояло несколько ящиков со снарядами. Машина полыхала, загоревшись от близкого разрыва. Еще немного – и взорвется бензобак, а от него загорятся и ящики в кузове. А неподалеку стоял новенький «Т-34». Чуть ли не последний из танков, который после разгрузки с платформы не успели отогнать в лесок. Мысль, что танком можно оттащить горевшую машину к оврагу, сразу мелькнула в голове лейтенанта.

– Куда вы? – Бабенко схватил Алексея за рукав гимнастерки. – Там же бомбят!

– Машина! – крикнул лейтенант. – Смотрите, если рванут снаряды, много беды будет. Там еще горячее, еще снаряды. Надо подцепить ее другой машиной.

– Нет, танком! – закачал головой Бабенко. – Слушайте, дайте я! Я лучше сумею. Вы не заведете быстро, а я заведу.

Опешивший Соколов уставился на интеллигентного водителя-испытателя, который и пороха не нюхал, и войны не видел, но так смело выскочившего из ямы и бросившегося к танку. Восхитившись таким порывом по сути невоенного человека, Алексей бросился следом. Ведь надо было еще снять трос с танка и подцепить машину. Толкать ее корпусом «тридцатьчетверки» не получится.

Танк взревел моторами. Алексей, приседая от каждого разрыва бомбы, пытался снять с кормы «тридцатьчетверки» толстый буксировочный трос и понял, что в одиночку ему не справиться. Ведь это танковый трос. Кто-то толкнул его плечом. Соколов обернулся и увидел веселое чумазое лицо паренька в гимнастерке с танкистскими петлицами.

– Во! – Парень показывал тонкий автомобильный трос. – Вот этот надо.

Снова взрыв, заставивший обоих присесть, а возле горящей машины уже суетился другой танкист, открывавший рычаг буксировочного замка. Алексей кивнул и побежал к люку водителя.

– Семен Михалыч! – закричал он. – Там ребята трос закрепляют. Я вам буду руками знаки подавать, а когда они зацепят, тогда тащите машину к оврагу. Там я ее отцеплю, а вы ее столкнете.

– Не надо, только прицепите, а остальное я сам. Подцепите и уходите, – энергично махал рукой Бабенко, как-то сразу преобразившись. Он уже не выглядел новичком и гражданским человеком.

Алексей кивнул и отошел от танка, подняв ладони, он стал жестами подавать команды. Назад... еще... еще... Стоп! Теперь танкисты с тросом... Быстрее же. Есть, подцепили! Пошел! Танк выпустил струю дыма, лягнул механизм переключения передачи, и танк потащил машину, плавно разворачиваясь в сторону оврага. Рядом присели на корточки какие-то люди и смотрели напряженно, что делает танк. Никто не комментировал, все молча пригибались при близких разрывах и смотрели не отрываясь на действия неизвестного водителя.

Выдержка у Бабенко была просто удивительная. Или он чувствовал себя в безопасности в танке. «Тридцатьчетверка» тащила и тащила машину. Вот уже скоро овраг. Как же он, подумал Соколов, надо же полуторку отцепить. Непроизвольно лейтенант собрался уже вскочить на ноги и бежать к танку, но тут он все понял. Бабенко ювелирно прошел по краю оврага, сдвигая траками густую траву, машину на буксировочном тросе потащило юзом, танк резко развернулся и прибавил оборотов. Горящая полуторка по пологой дуге двинулась к оврагу. Еще миг – и машина повалилась на бок, ломая борта. От рывка падающей в овраг машины трос оборвался, и «тридцатьчетверка» пошла назад.

Соколов вытер ладонью вспотевший лоб и только теперь услышал восторженные хвалебные крики. А еще он понял, что больше не бомбили. К его огромному удивлению, кричали по другому поводу и хвалили не танкиста. Того, кто из бойцов сбил самолет. Обернувшись, Алексей увидел, что хлопают по плечам того самого черноволосого парня с пулеметом. А еще к лесу тянулся дымный шлейф за теряющим высоту самолетом с выпущенными шасси.

– Молодец, «лапотника» сбил! – кричали возле машин.

Восторженная суета возле бойца немного улеглась, когда кто-то крикнул санитаров. Кажется, парня все-таки ранило. Соколов дождался, когда Бабенко остановит танк и высунется с довольным видом из люка.

– Кажется, получилась, а? – спросил он. – Но в овраге снаряды так бабахнули, что меня под корму ударило. Вы видели?

– Видел, Семен Михалыч! – улыбаясь, ответил Алексей. – Это только взрывная волна, да и взорвалось там, кажется, всего два снаряда. Какой вы молодец, лихо водите! И машину как чувствуете.

– Спасибо, я же все-таки испытатель, – выбираясь из танка, напомнил Бабенко.

Неожиданно подбежал капитан Заболодько. Он похлопал по плечу Соколова, потом буквально вытащил за шиворот из люка Бабенко и расцеловал его.

– Ну, браток... ну, молодец... ты такое сделал, ты же такой... к награде, обязательно к награде представлю. Фамилия как, из какого подразделения?

– Это мой новый механик-водитель, товарищ капитан, – поспешил доложить Алексей, боясь, что комбат заберет у него испытателя. – Бабенко Семен Михайлович. Прибыл добровольцем с Харьковского танкового завода.

– Молодец, Семен Михайлович, чувствуется хозяйская хватка, – засмеялся капитан. – А эти двое чьи? Тоже герои, не побоялись, кинулись буксировочный трос закреплять.

– Старший сержант Логунов, – прогудел крупный танкист. – Прибыл с пополнением на должность наводчика-командира башни.

Капитан увидел на груди танкиста медаль, потрогал пальцами и серьезно спросил:

– За финскую?

– Так точно. За Линию Маннергейма.

– А это что за пострел? – Капитан посмотрел на второго танкиста, который с тросом толкнул во время пожара Соколова.

– Рядовой Бочкин! – бойко отозвался парень, лихо отковыряв командиру. Потом помолчал и добавил не по уставу: – Тоже на пополнение после учебной роты. Земляк я с Логуновым. С одного села мы, омские. Вместе выпросились служить.

– Ну что, Соколов, возьмешь к себе в экипаж на командирскую машину героев? – Комбат посмотрел на Соколова поощрительно.

– А вы что, без машины? – обрадовался Алексей. – Только прибыли? Тогда с радостью возьму вас в свой экипаж.

– Ну, вот и порядок. – Заболодько повернулся к площадке, где тушили огонь, заливали водой горевшую пустую машину, кто-то из солдат под руководством машиниста расцеплял поврежденные платформы. – Да, раненых прибавилось сегодня. Обидно, толком боя не нюхали, а уже в санбат.

– А-а, Руслан и Людмила, – кивнул весельчак Бочкин на санинструктора и солдата, который только что сбил из пулемета «Юнкерс».

– Ты о ком? – не понял Соколов.

– Да парень этот. Его же Русланом зовут. А санинструктора Людочкой. Людмилой. Я слышал, как он с ней знакомился сегодня.

Алексей не спеша двинулся к группе бойцов. Увидев лейтенанта, многие поспешили разойтись по другим делам и не торчать возле раненого героя. Девушка, перевязывавшая пред-

плечье бойцу, оказалась светловолосой, с милыми чертами лица. Она как будто только сошла с иллюстраций книжки с русскими народными сказками. Санинструктор подняла глаза на подошедшего командира, и Соколов увидел, что они у нее действительно голубые.

– Что, серьезное ранение? – спросил Алексей.

– Ничего страшного, товарищ младший лейтенант, – старательно выговаривая звание, ответила девушка. – Небольшой осколок рассек кожу на руке. Заживет быстро. А вы, товарищ боец, ежедневно приходите в санчасть на перевязку. В рану могла попасть грязь, и там разовьются колонии микробов. Это очень серьезно, нам врач на инструктаже рассказывал.

Боец опустил рукав на перевязанную руку и поднялся на ноги, смущенно глядя на подошедшего командира. Соколов разглядывал молодого кавказца с блестящими, как маслины, глазами и крепкими спортивными плечами.

– Как ваша фамилия, боец? – спросил он строго.

– Рядовой Омаев, товарищ командир! – бойко ответил боец с чуть заметным кавказским акцентом.

– Это вы сбили самолет из пулемета? Где так стрелять научились?

– В горах, товарищ командир, – с веселой гордостью ответил парень. – У нас так многие умеют.

– К нам откуда прибыли?

– Из учебной роты. А до этого из ансамбля песни и пляски.

– Вы еще и танцор? – удивился Соколов, чувствуя, что парень ему нравится своей удалью, бесшабашностью и жизнерадостностью. – Где танцевать научились? В кружок ходили до армии?

– Нет, в горах научился, товарищ командир, – показал весело белые зубы боец. – У нас так многие умеют.

– А радиотелеграфистов у вас в горах тоже много? – засмеялся Соколов, кивнув на танкистские эмблемы на петлицах бойца.

– Нет, товарищ командир. Вот это я один только в горах умею.

– Ну-ну! Вас уже назначили в экипаж, товарищ Омаев?

– Никак нет, товарищ младший лейтенант! Немцы помешали. Не вовремя прилетели. Я потому и на фронт выпросился, что мешают они. В горах сейчас красиво, только не поют, не танцуют. Женщины плачут, мужчины на фронт идут. Виноград поспевает, а тут немцы какие-то. Зачем? Вот и пошел, чтобы быстрее вернуть в горы песни и танцы.

– Хорошо, товарищ Омаев, я беру вас в свой экипаж.

Танки перегнали в расположение, и взвод занялся подготовкой машин. К вечеру Соколов убедился, что все работы завершаются, что цифры на бортах Коля Бочкин рисует правильно и довольно профессионально. Масло проверено, инструмент получен. Командиры двух других танков взвода, Саша Огольцов и Степан Никитин, были старослужащими и дело свое знали хорошо. Оставив за себя Логунова, Алексей отправился на доклад к комбату. Уже темнело, когда, пройдя через лесок, в котором стояли замаскированными три с лишним десятка машин отдельного танкового батальона, Соколов вышел к землянке комбата.

– Разрешите, товарищ капитан? – Откинув брезент у входа, младший лейтенант замер, приложив руку к пилотке.

– А, это ты, Соколов, – на секунду оторвав взгляд от карты, расстеленной на самодельном столе, комбат снова уставился в нее задумчивым взглядом. – Как дела во взводе? Готовишься?

– Так точно. Материальная часть получена, бойцы на довольствие поставлены, обедом и ужином накормлены. Сухой паек получен.

– Ну, хорошо, лейтенант, – пробормотал комбат. – Службу знаешь, в тебе я не сомневался. Все-таки танковая школа за плечами. Иди-ка сюда.

Соколов снял пилотку, пригладил свои светлые непослушные волосы и подошел к столу, где при свете коптилки, сделанной из сплюсненной снарядной гильзы, комбат рассматривал карту. Заболотько взял со стола остро отточенный карандаш и стал показывать на карте:

– Смотри, вот линия обороны нашего корпуса. Сейчас пехота окапывается как бешеная, до утра должна зарыться по самые ноздри – только полный профиль, только с запасными позициями и ходами сообщения. На рассвете нас накроет авиация, это и к гадалке не ходи. На флангах к нам подойдут части, прикрывавшие отход корпуса. Все, что от них останется. А потом фашист ударит танками. Мы с тобой в резерве у комкора. Штаб корпуса перед нами в пятистах метрах. Где ударят фашисты?

– Думаю, вот здесь, по равнине между холмами, – показал Соколов на карте. – У них есть возможность скрытно накопить силы за высотой 98.15, а потом развернуться в боевой порядок и нанести удар по нашим пехотным частям. Обойти нас за рекой они не смогут – там заболоченные участки. Слева лесной массив – туда они не сунутся, у них танки без гусениц останутся. Да и побоятся, что мы заминировем подходы.

– Правильно мыслишь, хорошо тебя учили тактике. Они попрут двумя сотнями танков на окопы. А у нас артиллерии кот наплакал, противотанковых ружей, и тех осталось мало. Одна батарея гаубиц сможет ударить с закрытых позиций да две батареи 76-мм пушек на прямой наводке.

– Встречный танковый бой? – предположил Соколов.

– Хорошая мысль. Мы их отобьем и пожжем свои оставшиеся танки, а нам приказано на этом рубеже закрепиться и ждать приказа о совместном ударе армии. Ладно, голову не ломай, у нас есть головы в корпусе и посильнее наших с тобой. Генерал Тарханов готовит упреждающий удар под корень их атакующей группировки. А тебе я рассказываю все вот для чего. Наш батальон остается при штабе корпуса единственным танковым подразделением на позициях корпуса. И очень может получиться, что какая-то группа немцев прорвется к нашим позициям. Не захлебнется их атака, понимаешь! И тогда вся сила их удара будет направлена на нас.

– Так каков будет приказ, товарищ капитан?

– А приказ таков, Соколов. Пока я размещаю танки после авиационного налета за спинами наших передних линий в танковых окопах на прямой наводке. Ты со своим взводом скрытно проходишь вот по этой балке за холм возле излучины реки. И поджигаешь мосток. Есть там такая зараза, о которой мы узнали слишком поздно. Видать, его плохо уничтожили при отступлении, а немцы его в два счета восстановили, накатав в два слоя бревен. Сделали они это тайком, не привлекая нашего внимания. Разведка только сегодня утром доложила, что там саперы сутки уже возятся.

– Значит, они по этому мосту под прикрытием авиационного налета смогут перебросить нам во фланг танки и мотопехоту. И атакуют в самом уязвимом месте.

– Правильно понимаешь, взводный. Ты у меня не самый опытный, но самый смысленный. И экипажи у тебя хорошо подготовленные. Почти все сверхсрочники, есть и те, кто финскую прошел. А боевой опыт ничем не заменишь: кто не боится выстрелов, тот уже может многое на холодную голову. Я бы тебе дал огнеметный танк, да сгорел он два дня назад в бою. Так что остается тебе расстрелять этот мосток к чертовой матери. Как только «лапотники» их улетят, срываешься с места – и вперед по балочке вдоль речушки. Если столкнешься с немцами, с их передовым отрядом, всеми силами в бой не ввязывайся. Оставь один танк для прикрытия, свяжи их боем, а сам туда, на выполнение основной задачи. И связь, держи связь.

– Есть держать связь, – с готовностью ответил Алексей, чувствуя, как внутри у него снова появляется знакомое ощущение предчувствия боя.

Раньше это казалось холодком страха, который где-то глубоко внутри шевелится и беспокоит. Но потом Соколов понял, что это не страх за себя, свою жизнь. Это было страхом не справиться, страхом подвести. Но он научился справляться и с этим. В первый же свой

бой. Древняя как мир истина пришла в голову сама, и только потом Алексей вспомнил, что где-то уже об этом в юности читал. Она заключалась в простом тезисе: «Если ты не попробуешь однажды, то никогда так и не узнаешь, сможешь или нет». А еще в танковой школе ему, Алексею, сказал однажды старшина учебной роты. Сказал после того, как курсант Соколов не преодолел в первую свою попытку препятствие за рычагами танка. Алексей попросту тогда испугался, что перевернет машину, повредит ее. «Самое большое мужество, сынок, – сказал седоусый старшина с наградами за Халхин-Гол и финскую войну, – это не мужество встретить свою личную смерть стойко. Самое большое мужество принять на себя ответственность. Для тебя, как для будущего командира, это во сто крат важнее. Тебе и самому вести людей на смерть, и на смерть их отправлять. И по-другому никак. Война!»

Они еще час обсуждали будущую операцию взвода Соколова. Потом комбат отпустил молодого командира поспать пару часов перед боем. Проснулся Алексей в землянке от толчков в плечо дневального и нарастающего гула. Он открыл глаза и мгновенно проснулся. Этому он на войне тоже научился очень быстро. Гул был знакомый – с таким звуком шли на цель вражеские бомбардировщики. Звук моторов «Юнкерсов» Соколов знал уже очень хорошо и не мог перепутать с другими самолетами. Не глядя на часы, он сразу определил время – примерно пять часов утра, судя по пробивающемуся светло-серому свету через щель брезента, натянутого у входа в землянку вместо двери.

Подняв по тревоге личный состав отделения, он приказал готовиться к бою. Проверено все, что приготовлено еще с вечера, каждый знал свою задачу в предстоящем бою. Командиры отделений, каждый со своим экипажем, провели беседу, объясняя важность предстоящего боя и важность поставленной задачи. Через сорок минут, когда «Юнкерсы» заходили для атаки уже на третий круг, в распоряжение взвода пришел капитан Заболотько.

– Готов? – коротко спросил он, прервав доклад и пожав молодому лейтенанту руку.

– Так точно, товарищ капитан. Взвод готов выступить в любую минуту.

Комбат посмотрел внимательно на молодого командира, кивнул и повернулся к позициям корпуса, которые нещадно перепахивали бомбами немецкие бомбардировщики. Круг за кругом они заходили над позициями, пикировали со страшным воем и вываливали свой смертоносный груз. И снова уходили под облака, снова вставали в круг, и все повторялось.

– Все, выдыхаются, – вдруг заявил Заболотько. – Отдавай приказ «по машинам», взводный. Жди приказа по радио. Сигнал к атаке «Зима». Запомнил? Я в штаб корпуса.

Еще раз пожав руку лейтенанту, комбат двинулся между деревьями к блиндажу штаба. Снимая на ходу с головы пилотку, проверяя другой рукой пистолет в кобуре на ремне, Соколов побежал к танкам, выкрикивая на ходу команды. Танкисты быстро стали занимать места в машинах. Запрыгнув на броню, Соколов спустил ноги в люк, нашел разъем кабеля рации и присоединил к протянутому снизу Логуновым шлемофону. Все, теперь потекли самые напряженные, томительные минуты ожидания. Потом будет проще – приказ отдан, машины пошли, и все зависит уже только от тебя. А пока... Пока он сидит на люке и смотрит вперед, где «Юнкерсы» в небе разворачиваются и уходят на запад, а над позициями корпуса стоят дым и пыль. И, кажется, ничего живого там уже не осталось. Но Соколов сам бывал под такими бомбежками и артобстрелами и знал, что пройдут всего минуты и начнут подниматься головы в запыленных касках, начнут руки стряхивать землю с плеч и потных спин, поставят на брустверы станковые пулеметы, появятся винтовки из-под шинелей, которыми их заботливо на время обстрела укрывали бойцы. И снова бой, и будут они отражать атаку за атакой. Гибнуть, но снова отражать силами тех, кто еще будет жив. И от того, как выполнит задачу взвод под командованием Соколова, будет зависеть в том числе и исход сегодняшнего боя. Может быть, оборона и без него выдержит, но вот потери в случае его неудачи будут очень большими.

– Две Семерки, я Тюльпан, как слышишь? – вдруг сквозь треск послышалось в шлемофоне. Алексей тут же прижал пальцами к горлу ларингофон и ответил:

– Я Две Семерки, слышу вас хорошо, Тюльпан.

– Две Семерки, вам «Зима». Повторяю, Две Семерки, вам «Зима»!

– Понял вас, Тюльпан! Выполняю! – почти крикнул Соколов и переключился на внутреннюю связь. – Внимание, Охотники, я Две Семерки. Заводи!

Заурчали стартеры, рокотом двигателей трех танков наполнился лесок. Первым повернул и пошел вниз, между деревцами танк Соколова с бортовым номером 077, потом 078 – танк Огольцова, потом 079 – Никитина. Алексей оглянулся на свои машины, застегивая шлемофон и готовясь спуститься в люк. «Мальчишество, – подумал он. – Я сейчас так горд, что командую взводом «тридцатьчетверок», как будто об этом мечтал с детства. А может, и мечтал. Танкистом стать мечтал. На современных могучих танках воевать мечтал».

Закрыв люк, Алексей проверил его ход вверх и вниз. Закрывать люки танкисты не любили, хотя приказ был на этот счет строгий и наказывали командиры за это регулярно. Во время боя люк легко могло заклинить, и тогда из танка всем членам экипажа через люк механика-водителя или нижний люк не выбраться. Можно сгореть заживо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.